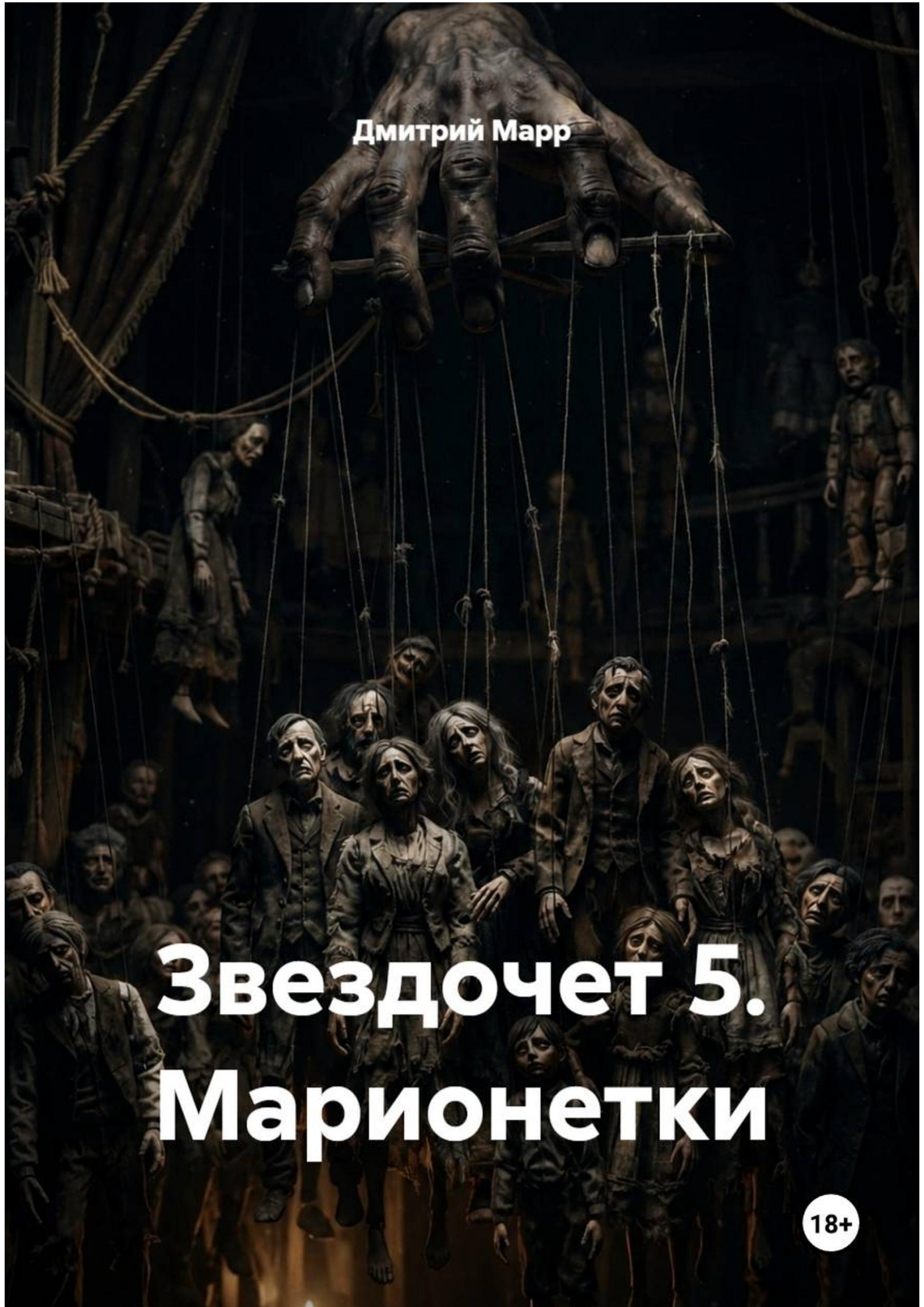

Дмитрий Марр

Звездочет 5. Марионетки

18+

Дмитрий Марр

Звездочет 5. Марионетки

«Автор»

2026

Март Д.

Звездочет 5. Марионетки / Д. Март — «Автор», 2026

В Москве происходит серия необъяснимых преступлений: люди превращаются в безвольных марионеток, готовых исполнить любой приказ своего таинственного кукловода. Следователь Михаил Россинский, обладающий уникальным даром видеть то, что скрыто от других, расследует дело о загадочном происшествии с автомобилем скорой помощи. За каждым углом может таиться опасность, ведь марионетками могут стать абсолютно любые люди — соседи, коллеги, случайные прохожие. Никто не знает, когда кукловод нажмёт на кнопку, превращая обычного человека в орудие убийства. Но самое страшное — преступник оставляет на лбах своих жертв таинственный знак. И теперь Россинский понимает: он вступил в смертельную игру с человеком, способным управлять сознанием других. Игра, в которой промедление смерти подобно, а цена ошибки — человеческие жизни. Сможет ли следователь остановить кукловода, пока тот не превратил весь город в поле для своих чудовищных экспериментов?

© Март Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Марр

Звездочет 5. Марионетки

Книга пятая: «Марионетки»

Глава 1. Город смотрит

Камера над входом в отдел на Хавской, 26 висела на одном кронштейне. Провод, вырванный из стены, раскачивался на мартовском ветру — чёрная змея, которую никто не спешил пришивать обратно. Вторую неделю болтается. Вторую неделю всем плевать.

Михаил потянул на себя дверь. Она поддалась с тем же тяжёлым скрипом, что и всегда, но внутри вестибюля всё изменилось. Пахло строительной пылью и мокрым бетоном. Рабочие в синих комбинезонах возились у стены — той самой, в которую несколько дней назад на полном ходу вошла карета скорой помощи.

Сергей Ковалёв. Сорок два года. Водитель с пятнадцатилетним стажем, ни одного штрафа, ни одного нарекания. Примерный семьянин. Дочь-восьмиклассница, жена — учительница младших классов. По вечерам они собирались на кухне, пили чай с мятой и обсуждали, куда поехать летом. А потом он сел в машину, дождался, пока смена подойдёт к концу, выехал с территории подстанции и на перекрёстке у Хавской повернул не туда. Вдавил педаль газа в пол. Разогнался до семидесяти. И на глазах у дежурного сержанта, который не успел даже крикнуть, влетел прямо в стену отдела.

Когда его вытаскивали из покорёженной кабины, он ещё дышал. Михаил видел его лицо. Глаза были открыты — но в них ничего не было. Ни страха, ни боли, ни удивления. Пустота. Как у куклы, у которой забыли нарисовать зрачки. А на лбу — выцарапанная чем-то острым звезда. Кровь уже запеклась, и в свете мигалки она казалась чёрной.

Михаил прошёл мимо рабочих, не глядя. Дыра в стене была затянута толстой полиэтиленовой плёнкой. Сквозь мутный пластик пробивался серый свет — конец марта, ни зима, ни весна. Кто-то из ремонтников слушал радио, и оттуда лился бодрый голос диджея, поздравлявшего москвичей с первым по-настоящему тёплым днём. Плюс пять, солнце, гололёда не ожидается.

Он стал подниматься по лестнице. Ступеньки были всё те же — стёртые, с выбоинами, знакомые до последней трещины. На третьей он остановился, потому что правая рука сама потянулась к внутреннему карману пальто.

Записка была на месте.

Михаил не стал её доставать. Просто коснулся пальцами — бумага, сложенная вчетверо, дешёвая, в клетку. «С возвращением». Два слова. Без подписи. Без угрозы. Почерк твёрдый, почти каллиграфический — так пишут люди, которые никуда не спешат.

Она лежала в нагрудном кармане Ковалёва, под форменной курткой. Когда санитары грузили тело на носилки, Михаил заметил краешек бумаги, вытащил — и прочитал раньше, чем кто-либо успел заглянуть ему через плечо. Он не стал приобщать её к делу. Не потому,

что хотел что-то скрыть. Просто это было адресовано ему. Личное. Такие вещи не подшивают в папку с надписью «Инцидент № 47-б».

Он перечитывал её каждое утро. За завтраком, если завтрак случался. Перед выходом из дома. Иногда — посреди ночи, когда сон не шёл, и он вставал, включал настольную лампу и просто смотрел на эти два слова. Не как на улику. Как на доказательство того, что он не сумасшедший. Что Звездочёт где-то там. Живой. Ждёт.

Кабинет встретил его запахом остывшего чая. На подоконнике стоял термос — зелёный, армейский, ещё тёплый на ощупь. Надя заварила не больше часа назад. Она делала это каждое утро с тех пор, как он вышел из больницы. Сначала — когда он ещё не мог ходить и она приносила термос прямо в палату, нарушая все больничные правила. Потом — когда он учился заново держать ложку, ручку, телефон. Теперь — когда он ходил, говорил, стрелял и делал всё, что полагалось живому человеку. Но она всё равно продолжала заваривать ему чай. По привычке. Или по какой-то другой причине, которую она никогда не называла вслух.

Михаил сел за стол. Отвинтил крышку. Пар пошёл вверх — тонкий, зеленоватый, с травяным запахом. Он сделал глоток. Чай был именно той температуры, которую он любил — не кипяток, но и не тёплый. В самый раз.

В дверь постучали. Коротко, три удара — так стучал только один человек.

— Войдите, Пётр.

Бабочкин вошёл боком, придерживая ноутбук под мышкой. Худой, в очках с толстыми линзами, волосы дыбом — он вечно взъерошивал их, когда думал, а думал он почти постоянно. Вид у него был такой, будто он не спал даже меньше, чем Михаил. Под глазами залегли тени, рубашка помята, на воротнике — след от кофе.

— Михаил Дмитриевич, я по Ковалёву.

— Садись. Докладывай.

Пётр сел на стул напротив, поставил ноутбук на угол стола и открыл. На экране замелькали таблицы, графики, столбцы данных — его родная стихия, цифровой мир, в котором он ориентировался лучше, чем в реальном.

— Мы проверили всё, что можно проверить. Я говорю «всё», я имею в виду действительно всё. Биллинг за три месяца — все звонки, все сообщения, входящие и исходящие. Камеры наружного наблюдения по всем маршрутам, где он проезжал за последние девяносто дней. Банковские транзакции — все до единой, вплоть до покупки хлеба в супермаркете. Социальные сети — его, жены, дочери, даже тёщи. Маршруты передвижения, построенные по данным сотовых вышек.

— И?

— Ничего. Вообще ничего. Ковалёв не контактировал ни с кем, кто мог бы быть связан со Звездочётом. Не выезжал за пределы Москвы. Не заходил на сомнительные сайты. Не получал подозрительных писем или посылок. За два дня до инцидента прошёл плановый медосмотр

— полностью здоров. Давление, зрение, слух, психиатрическое освидетельствование — всё в норме.

— Психиатр. Что за врач?

— Штатный специалист поликлиники номер три. Женщина, пятьдесят два года, работает там восемь лет. Ни одного пятна в биографии. Никаких связей с кем-либо из фигурантов наших дел. Я проверил её вдоль и поперёк — чисто.

Михаил взял термос и сделал ещё один глоток. Чай обжёг нёбо, но боль была почти приятной. Что-то реальное. Что-то, что можно почувствовать.

— Он не подкупал его, — сказал он вслух.

Пётр поднял голову от экрана.

— Что, простите?

— Звездочёт. Он не подкупал Ковалёва. Не шантажировал. Не угрожал его семье. Не обещал денег. Не запугивал.

— Тогда как? — Пётр снял очки и принялся их протирать краем рубашки. Это был нервный жест, Михаил знал его давно. — Как он заставил человека с безупречным стажем, примерного семьянина, сесть в машину и на глазах у всего отдела врезаться в стену? Это же самоубийство, Михаил Дмитриевич. Форменное самоубийство. Ковалёв не мог не понимать, что погибнет.

— Не заставил.

— А что же?

— Приказал.

Пётр замер с очками в руке. Без очков его лицо казалось совсем молодым и каким-то беззащитным.

— Приказал, — повторил он. — Просто взял и приказал? И Ковалёв сказал: «Да, конечно, сейчас разобьюсь насмерть, нет проблем»?

— Именно.

— Но как? Это невозможно. Никакой гипноз не заставит человека убить себя. Это противоречит базовым инстинктам. Самосохранение — самая сильная программа, зашитая в мозг. Её нельзя отключить словами.

— Значит, не словами.

Пётр моргнул и медленно водрузил очки обратно на нос.

— Вы думаете...

— Я пока ничего не думаю. Я собираю данные. Ищите всё, что касается состояния Ковалёва за последние две недели до тарана. Не звонки и не камеры — это мы уже проверили. Меня интересует другое. Как он спал? Что ел? Как себя чувствовал? Не жаловался ли на головные боли, на провалы в памяти, на странные сны? Опросите жену ещё раз. И дочь тоже — дети иногда замечают то, что взрослые пропускают.

— Жену я уже опрашивал. Она в истерике, толком ничего не говорит.

— Опросите снова. Спокойно. Без формы. Просто поговорите. Что-то должно быть. Что-то, чего мы не видим.

В коридоре послышались шаги — быстрые, лёгкие, почти бесшумные. Надя. Она всегда ходила так, словно не касалась пола. Дверь открылась без стука.

Надежда Горемыкина стояла на пороге с папкой в одной руке и бумажным стаканчиком кофе в другой. Сегодня она была в строгой серой юбке и белой блузке — видимо, планировалось какое-то совещание с начальством. Но причёска, как всегда, выдавала её с головой: волосы были собраны в пучок и заколоты остро заточенным карандашом. Жёлтым, с ластиком на конце. Михаил помнил, что в прошлый раз карандаш был синий.

— Громов вызывает, — сказала она, переводя взгляд с Михаила на Петра и обратно. — Срочно.

— По Ковалёву? — спросил Пётр с надеждой в голосе.

— Нет. Новое дело. Убийство в Отрадном.

Михаил медленно завинтил крышку термоса. Поднялся. Пальто он так и не снял — за последние месяцы он привык не раздеваться в помещении. Привычка, оставшаяся с тех времён, когда любое движение стоило ему невероятных усилий, и он экономил силы даже на том, чтобы снять верхнюю одежду.

— Пётр, продолжайте по Ковалёву. Я вернусь через пару часов.

— Понял.

Они вышли в коридор вдвоём. Надя пошла рядом, и её каблук застучали по линолеуму — частый, ритмичный звук, похожий на метроном.

— Ты опять не спал, — сказала она, не глядя на него.

— Я выспался на девять месяцев вперёд.

— Это не смешно, Миша.

— Я и не шучу.

Она бросила на него короткий взгляд — острый, как скальпель. За те месяцы, что он провёл в больнице, она сильно изменилась. Из вчерашней выпускницы Академии, которая смотрела на него как на рок-звезду и записывала каждое его слово в блокнот, она превратилась в серьёзного следователя. Нет, блокнот она всё ещё носила с собой — Михаил заметил его краешек, торчащий из кармана пиджака, — но теперь она записывала туда не цитаты, а факты. Улики. Версии. Она стала его правой рукой, и он доверял ей больше, чем кому-либо в отделе. Может быть, больше, чем кому-либо вообще.

Кабинет Громова был в самом конце коридора. Дверь массивная, деревянная, обитая чёрным дерматином. Табличка: «Полковник Громов И.С.». Михаил постучал — один раз, коротко — и вошёл, не дожидаясь ответа.

Илья Сергеевич Громов сидел за столом. Перед ним была раскрыта папка с делом, справа — чашка остывшего кофе, слева — очки в тонкой металлической оправе. За окном за его спиной висело серое мартовское небо, тяжёлое, как промокшее одеяло. Крыши соседних домов блестели от влаги.

Выглядел Громов неважно. После тарана скорой у него случился гипертонический криз — прямо на месте, когда они разбирали завалы и вытаскивали Ковалёва из кабины. Врачи сказали: никакого стресса, никаких перегрузок, иначе следующий криз может стать последним. Но кто бы слушал врачей, когда ты — начальник отдела, в который только что въехала машина с марионеткой за рулём.

— Садись, Россинский.

Михаил сел на стул напротив. Надя осталась стоять у двери — она всегда так делала, когда разговор предстоял серьёзный.

Громов снял очки, потёр переносицу большим и указательным пальцами. Потом поднял глаза на Михаила.

— В Отрадном двойное убийство, — сказал он без предисловий. — Пожилая пара. Муж и жена. Ей семьдесят два, ему семьдесят четыре. Кроваво, жестоко, бессмысленно. Местные ничего не могут — вернее, не хотят мочь. Дело всяк всяком. Нужен твой глаз.

Михаил взял папку со стола и раскрыл. Фотографии с места преступления. Кровь на стенах — много, слишком много для случайного нападения. Тела на полу. Разгромленная комната. Следы борьбы — или, судя по характеру ран, следы целенаправленного, методичного избиения.

— Почему я?

Громов посмотрел на него поверх очков долгим, тяжёлым взглядом.

— Потому что ты лучший в этом отделе. Возможно, лучший в городе. И потому что тебе нужно работать, Михаил. Настоящая работа. Не одержимость. Не бесконечное перебирание старых дел Звездочёта по ночам.

— Я работаю. Ковалёв.

— Ковалёв — это тупик. По крайней мере, пока. Ты сам это знаешь не хуже меня. У нас ноль зацепок, ноль свидетелей, ноль всего. Мы даже не понимаем, как он это сделал. А в Отрадном лежат два трупа, и у этих трупов есть родственники, которые хотят знать, кто убил их родителей. Это — работа, Россинский. То, чем ты занимаешься по ночам, — это... — он сделал паузу, подбирая слово, — это другое.

Михаил промолчал. Громов был прав, и от этого становилось только хуже. Он знал, что полковник говорит разумные вещи. Но где-то там, в тени, Звездочёт ждал. И каждая минута, потраченная на обычное дело, была минутой, которую он не тратил на охоту.

— Возьми Надежду, — продолжил Громов. — Осмотри место. Поговори с соседями. Свидетели уже опрошены местными, но толку ноль — они всё затоптали, как слоны в посудной лавке. Сам знаешь, как работают в Отрадном. Так что придётся начинать с нуля.

Михаил кивнул, закрыл папку и встал. Надя отступила в сторону, открывая дверь.

— И ещё, Россинский, — голос Громова остановил его на пороге. — Ты хорошо работаешь. Лучше, чем кто-либо на моей памяти. Но не загоняй себя. Что бы ни случилось — жизнь продолжается. Помни об этом.

Михаил обернулся. Их взгляды встретились. Что-то мелькнуло в глазах полковника — то ли беспокойство, то ли понимание, то ли тень старой, давней вины. Михаил знал, что Громов был знаком с его отцом. Знал, что они работали вместе, ещё до того, как отец ушёл из органов. Знал, что старая фотография, стоящая на полке за спиной полковника, имеет к этому прямое отношение. Но они никогда не говорили об этом вслух. Может быть, время для этого разговора ещё не пришло.

— Я в порядке, — сказал Михаил.

И вышел.

В коридоре Надя догнала его. Они пошли рядом — она со своим кофе, он с папкой под мышкой и термосом в руке.

— Ты ему не сказал, — произнесла она вполголоса.

— О чём?

— О том, что ты думаешь про Звездочёта. Про то, что он всё ещё...

— Нет. И не скажу. Пока.

— Почему?

Они спустились по лестнице на первый этаж. Прошли через вестибюль, где рабочие продолжали возиться с дырой в стене. Один из них насвистывал какую-то весёлую мелодию. Михаил толкнул входную дверь плечом, и в лицо ударил мартовский ветер.

Москва шумела. Люди спешили по тротуарам, прижимая к ушам телефоны, перепрыгивая через лужи, обходя грязный снег, который ещё лежал в тени домов. Воздух пах бензином, сыростью и чем-то неуловимо весенним — то ли мокрой корой, то ли первой травой, которая ещё не пробилась из-под земли, но уже обещала. Обычный день. Обычный город. Обычные люди, которые не знали, что среди них ходит человек, умеющий превращать других людей в марионеток.

— Потому что у меня нет доказательств, — ответил Михаил наконец. — Только чутьё. А чутьё недостаточно. Они считают, что Звездочёт залёг на дно после четвёртого убийства. Или вообще сбежал из страны. Пусть пока так и думают. Я не стану поднимать шум, пока не соберу факты.

— Но ты уверен?

— Да. Он где-то рядом. И он хочет, чтобы я это знал.

Надя ничего не ответила. Она просто кивнула — коротко, по-деловому — и достала из кармана ключи от машины.

— Я за рулём. Поехали.

— Нет. Поедем на автобусе.

Она замерла с ключами в руке.

— На автобусе? С каких пор ты ездешь на автобусе?

— С сегодняшнего.

— Миша, это глупо. У нас служебная машина. Ты хочешь пить чай, завёрнутый в пальто, в битком набитом салоне, вместо того чтобы доехать с комфортом за сорок минут?

— Я хочу посмотреть на людей.

— На каких людей?

— На обычных. На тех, кто ездит на автобусах. На тех, кто ходит по улицам. На тех, кто стоит на остановках. Я слишком долго пролежал в больнице, Надя. Я отвык от города. Хочу снова его почувствовать.

Это была неправда. Вернее, не вся правда. На самом деле он хотел проверить одну догадку. Мысль, которая засела у него в голове ещё там, в больничной палате, когда он впервые услышал о Ковалёве. Мысль о том, что марионетка была не одна. Что их может быть больше. Гораздо больше. И что единственный способ это проверить — выйти в город и смотреть. Смотреть на каждого встречного. Искать пустоту в глазах. Искать звезду под волосами. Искать тех, кто не моргает.

Надя вздохнула и убрала ключи обратно в карман.

— Ладно. Автобус так автобус. Но если там будет душно и будет пахнуть чьими-то носками, я тебе этого не прощу.

— Договорились.

Они подошли к остановке. Автобус уже подъезжал — старый, жёлтый, дребезжащий, с облупившейся краской на бортах. Двери открылись с шипением. Из салона пахло теплом и чем-то химическим — не то освежитель воздуха, не то средство для мытья полов.

Михаил зашёл первым. Приложил карту к валидатору. Аппарат пиликнул и выдал чек. Надя прошла следом и села у окна, положив папку на колени. Михаил остался стоять, держась за поручень.

В салоне было полупусто. Женщина с хозяйственными сумками — сидела на переднем сиденье и что-то читала в телефоне, изредка улыбаясь экрану. Парень в наушниках — студент, судя по рюкзаку с логотипом Бауманки, покачивал головой в такт музыке. Пенсионер с палочкой дремал, привалившись к окну. Девушка с книгой в мягкой обложке — что-то из классики, судя по потрёпанному корешку. Мужчина в сером пальто — стоял в другом конце салона, держась за поручень, и смотрел в окно.

Михаил скользнул по ним взглядом. Привычка, рефлекс. Оценил одежду, позы, выражения лиц. Запомнил расположение. Отпустил.

Обычные люди. Обычный день. Обычный автобус.

Автобус тронулся. За окном поплыли серые дома, голые деревья с набухающими почками, лужи на асфальте, вывески магазинов. Надя что-то говорила — он слышал её голос, но не различал слов. Он думал о Ковалёве. О его пустых глазах. О звезде на лбу. О том, как человек садится за руль и давит педаль газа в пол — без страха, без сомнений, без тени мысли на лице.

Как он это делает?

Ответ был где-то рядом. Михаил чувствовал его кожей, затылком, тем странным теплом на груди — в том самом месте, где отец коснулся его в мире «между». Тепло появлялось редко, только в моменты сильного напряжения или близкой опасности. Сейчас оно молчало. Но ощущение — ощущение нависшей угрозы — не проходило.

— Миша?

Голос Нади прорвался сквозь его мысли.

— Что?

— Ты меня не слушаешь. Я уже третий раз спрашиваю.

— Извини. Что ты сказала?

— Я сказала, что в Отрадном, судя по сводке, соседи ничего не слышали. Вообще ничего. Ни криков, ни шума борьбы, ни звука падающей мебели. А это странно, потому что убийство жестокое. Там всё в крови. Крики должны были быть слышны на весь подъезд.

— Должны были, — машинально повторил Михаил.

И вдруг что-то изменилось.

Он не понял сразу, что именно. Не звук. Не свет. Скорее — движение. Едва уловимое, периферийное, как тень, скользнувшая по краю поля зрения.

Женщина с сумками перестала улыбаться. Её телефон погас — но она не опустила его, а продолжала держать перед лицом, глядя в чёрный экран.

Студент вынул наушники. Медленно, аккуратно смотал провод и убрал в карман.

Пенсионер поднялся — легко, без усилий, без обычного старческого кряхтения. Палочка осталась стоять, прислонённая к сиденью.

Девушка закрыла книгу. Сунула её в сумку. Выпрямилась.

Все одновременно встали.

Михаил перехватил поручень другой рукой. Левая скользнула под пальто — к кобуре. Пистолет был на месте. Холодный. Тяжёлый. Надёжный.

— Надя, — сказал он тихо.

— Что?

— Встань. Медленно. И отойди к двери.

Она подняла глаза от папки и увидела. Пассажиры стояли в проходах. Не как зомби из дешёвого фильма ужасов — они двигались нормально, плавно, естественно. Женщина поправила сумку на плече. Студент отряхнул рукав куртки. Пенсионер размял плечи, как будто собирався на утреннюю гимнастику. Обычные, нормальные движения обычных людей. Но лица — лица были пусты. Ни злости. Ни страха. Ни любопытства. Ничего.

— Миша, что происходит?

— Делай, что я сказал.

Он не повысил голоса. Но что-то в его тоне заставило Надю подчиниться. Она встала и сделала шаг к двери. Папка осталась лежать на сиденье.

В ту же секунду они двинулись.

Все разом. Без крика. Без команды. Просто пошли — и это было страшнее всего. Они не бежали, не бросались, не выставляли руки вперёд. Они шли — спокойно, целенаправленно,

как люди, которые точно знают, что им нужно сделать. Мужчина в сером пальто обходил поручень слева. Студент заходил справа. Женщина с сумками перекрыла проход к кабине водителя. Пенсионер, оказавшийся неожиданно высоким и крепким, надвигался по центру.

Они не пытались беречь себя. В этом была вся суть. Студент, проходя мимо ряда сидений, задел коленом железный подлокотник — глухой удар, явно болезненный, но он даже не поморщился. Женщина наступила на собственную сумку, споткнулась, но тут же выправилась и продолжила идти. Как будто боль для них ничего не значила. Как будто цель — добраться до Михаила — была единственным, что имело значение.

Михаил вытащил пистолет.

— Всем стоять! Полиция!

Они не остановились. Даже не замедлились. Приказ полицейского не произвёл на них ни малейшего впечатления — потому что они не слышали его. Не в смысле глухоты. Они слышали, но слова не доходили до той части мозга, которая принимает решения. Решение уже было принято за них.

Михаил выстрелил в потолок.

Грохот заметался по салону, отражаясь от стёкол и металлических стен. Надя вскрикнула. Но пассажиры — пассажиры даже не вздрогнули. Они продолжали идти. Спокойно. Неумолимо. Как вода, которая обтекает препятствие.

— Водитель! — крикнул Михаил. — Остановите автобус! Откройте двери!

Водитель не ответил. Михаил бросил быстрый взгляд через стекло кабины — и увидел, что водитель сидит, вцепившись в руль, и смотрит прямо перед собой. На его лице было то же выражение, что у остальных. Пустота. Ничего.

Тогда Михаил рванул стоп-кран.

Автобус дёрнулся, завизжал тормозами. Всех, кто стоял в проходе, швырнуло вперёд. Пенсионер упал — тяжело, лицом в пол, — и тут же начал подниматься, подтягивая колени под себя, упираясь ладонями в грязный резиновый коврик. Нос у него был сломан, кровь текла по губам и подбородку, капала на воротник рубашки. Он этого не замечал. Он просто вставал.

Михаил ударил ногой по створке двери. Раз. Другой. Пластик треснул, но держался. Третий удар — дверь поддалась, и в салон ворвался холодный уличный воздух. Автобус всё ещё двигался по инерции, замедляясь, но недостаточно быстро.

— Надя, прыгай!

Она колебалась ровно секунду. Потом прыгнула — и приземлилась на тротуар, подвернув ногу, но устояв. Михаил обернулся. Женщина с сумками была уже в метре от него. Она не пыталась ударить. Она просто тянула руки — чтобы схватить, удержать, не дать уйти. Её лицо было абсолютно спокойным. Даже безмятежным. Как у человека, который делает привычную домашнюю работу.

Он выстрелил ей в ногу.

Она упала — но не закричала. Ни звука. Только тело рухнуло на пол, и она тут же попыталась ползти, подтягиваясь на руках, волоча раненую ногу за собой. Кровь текла по полу автобуса, а она всё ползла.

Михаил спрыгнул.

Асфальт ударил в ступни. Он перекатился через плечо, гася инерцию, и тут же вскочил на ноги. Пистолет остался в руке. Надя стояла в нескольких метрах, прижимая ладонь к рассечённой брови.

Автобус, потерявший управление, проехал ещё метров тридцать и на полном ходу врезался в бетонное ограждение моста. Удар был такой силы, что переднюю часть салона смяло в гармошку. Стёкла посыпались дождём. Где-то внутри что-то заскрежетало, закрипело — и наступила тишина.

Михаил стоял посреди улицы, тяжело дыша. Рука с пистолетом медленно опустилась. Вокруг уже начинали собираться прохожие — кто-то кричал в телефон, кто-то просто стоял, раскрыв рот, кто-то снимал на камеру. Где-то вдалеке завывла сирена — сначала одна, потом вторая.

Надя подошла к нему. Её трясло, но она держалась.

— Они... — прошептала она. — Они все... Даже водитель...

— Да, — сказал Михаил.

— Они не кричали. Когда ты выстрелил в ту женщину — она не закричала. Она просто... продолжала ползти.

— Да.

— Как такое возможно?

Михаил не ответил. Он смотрел на покорёженный автобус, на дым, поднимающийся из-под капота, на фигурки людей, которые всё ещё шевелились внутри салона — безмолвные, равнодушные к собственной боли. И чувствовал, как внутри, под рёбрами, разгорается тихая, холодная злость. Та самая, что родилась там, в больничной палате, когда он впервые понял, что Звездочёт не оставил его в покое.

— Он показал, — сказал Михаил.

— Что?

— Как он это делает. Не покупает. Не шантажирует. Не запугивает. Он отдаёт приказ — и они исполняют. Все. Любой. В любой момент. Весь этот автобус был полон марионеток. Они ехали по своим делам, жили своей жизнью, а потом что-то включилось — и они стали оружием.

— Но как? — Надя смотрела на него во все глаза. — Как можно заставить шестерых человек одновременно подчиниться приказу?

— Не знаю. Пока не знаю. Но я выясню.

Он сунул руку во внутренний карман. Записка была на месте. Маленький клочок бумаги, два слова, твёрдый каллиграфический почерк.

«С возвращением».

Теперь он понял, что это значило. Это было приветствие. И демонстрация силы. И предупреждение.

Добро пожаловать в новую игру, Михаил.

Город полон марионеток. И ты никогда не узнаешь, кто из прохожих — человек, а кто — оружие.

Первая сирена «скорой» вынырнула из-за поворота и завизжала тормозами у дымящегося автобуса. За ней — вторая. Где-то нарастал вой полицейских машин. Михаил убрал пистолет в кобуру, одёрнул пальто и повернулся к Наде.

— Пойдём.

— Куда?

— В Отрадное. У нас дело.

— После такого? — она неверяще покачала головой. — Миша, тут шесть трупов, ты стрелял, это же...

— Это только начало, — сказал он. — И я должен понять, что будет дальше. А для этого мне нужно работать. Ты сама говорила — жизнь продолжается.

Он развернулся и пошёл прочь от автобуса. Надя постояла секунду, глядя ему в спину, потом выругалась сквозь зубы — незнакомое, грубое слово, которое он никогда от неё не слышал, — и пошла следом.

За их спинами выли сирены, кричали люди, и дым от разбитого автобуса поднимался в серое мартовское небо, похожее на промокшее одеяло.

А где-то в этом городе Звездочёт ждал.

И улыбался.

Глава 2. Тихая квартира

Отрадное встретило их тишиной.

Не той тишиной, что бывает в лесу или в поле — открытой, звенящей, наполненной звуками природы. А другой — глухой, вязкой, какая бывает только в спальнях районах большого города в середине рабочего дня. Тишина пустых квартир, закрытых дверей, опустевших дворов. Тишина, в которой любой громкий звук кажется преступлением.

Михаил и Надя вышли из такси на Алтуфьевском шоссе и свернули во дворы. Здесь мартовская слякоть была особенно грязной — снег уже сошёл, но земля ещё не просохла, и под ногами чавкала коричневая каша из глины, прошлогодней листвы и реагентов. Надя шла, аккуратно переступая через лужи. Михаил шагал прямо по грязи, не глядя под ноги. Его мысли были далеко — всё ещё там, в дымящемся автобусе, среди пустых глаз и тянущихся рук.

Дом номер четырнадцать по улице Декабристов стоял в глубине двора — панельная девятиэтажка, выкрашенная в бледно-жёлтый цвет. Таких домов в Москве тысячи. Обычный подъезд. Обычный лифт. Обычная квартира на пятом этаже.

Но когда двери лифта открылись и они вышли на лестничную клетку, обычное закончилось.

У двери квартиры номер пятьдесят семь стоял молодой полицейский — совсем мальчишка, лет двадцати, с бледным лицом и испуганными глазами. Увидев Михаила, он вытянулся по стойке смирно.

— Старший сержант Кузнецов. Мне приказано вас встретить.

— Что внутри? — спросил Михаил, не отвечая на приветствие.

— Трупы. Два. Мужчина и женщина. Пожилые.

— Это я уже знаю. Что ещё?

Сержант замялся.

— Там... это... в общем, сами увидите.

Михаил отодвинул его в сторону и вошёл в квартиру.

Запах ударил сразу — густой, сладковатый, с металлическим оттенком. Кровь пахнет по-особенному, когда её много. Михаил знал этот запах слишком хорошо. За годы работы он научился различать его оттенки: свежая кровь пахнет иначе, чем застоявшаяся, кровь молодого человека — иначе, чем кровь старика, кровь из артерии — иначе, чем из вены. Здесь было всего понемногу. Много всего. Слишком много.

Прихожая была маленькой, тесной. Вешалка с пальто и куртками. Полка с обувью — аккуратно расставленные ботинки, тапки, сапоги. На стене — старый календарь с видами Крыма. Никаких следов борьбы. Как будто хозяева сами открыли дверь убийце.

Он прошёл дальше.

Гостиная была разгромлена. Но не так, как бывает при ограблении, когда всё перевёрнуто вверх дном. Здесь разрушения были странными, выборочными. Телевизор стоял на месте, целый. Книжный шкаф не тронут. А вот журнальный столик перевёрнут, и на полу вокруг него — осколки стекла. Кресло сдвинуто к стене. На обоях — следы крови. Много следов. Целые узоры.

Тела лежали посреди комнаты. Мужчина — на спине, раскинув руки. Женщина — рядом с ним, на боку, поджав колени, как будто пыталась защититься. Обоим нанесли множество ударов. Чем-то тяжёлым. Чем-то, что было здесь, в квартире, под рукой — и что убийца унёс с собой.

Михаил присел на корточки рядом с телами. Он смотрел не на раны — раны посмотрит патологоанатом. Он смотрел на другое. На расположение тел. На следы крови на стенах. На мельчайшие детали, которые никто другой не заметил бы.

— Его убили первым, — сказал он тихо.

— Что? — Надя стояла в дверях комнаты, не решаясь войти.

— Мужчину. Убили первым. Смотри: он лежит ближе к двери. Она — дальше, в углу. У него раны на груди и на лице. У неё — на спине и на руках, которыми она закрывалась. Значит, он вышел навстречу. Он услышал шум, встал, пошёл в прихожую. Может быть, даже открыл дверь. Его ударили сразу, без предупреждения. Потом прошли в комнату. Она пыталась спрятаться. Не успела.

— Но почему соседи ничего не слышали? — спросила Надя.

Михаил поднялся. Прошёл по комнате, глядя под ноги. Остановился у окна. Окно было закрыто. Плотные шторы задёрнуты. На стекле — тонкий слой пыли, не мыли с осени.

— Потому что криков не было, — сказал он.

— Но ты сам сказал: он вышел навстречу. Он должен был закричать. Хотя бы от неожиданности.

— Должен. Но не закричал.

Он повернулся к ней. В глазах у него было странное выражение — не злость, не усталость, а что-то другое. Что-то похожее на холодный, расчётливый интерес.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он неожиданно.

— Что? — Надя растерялась. — При чём здесь...

— Просто ответь. Как ты себя чувствуешь? Голова не кружится? В висках не стучит? Мысли ясные?

— Я... нормально. А почему ты спрашиваешь?

Михаил не ответил. Он достал из кармана небольшой фонарик — тонкий, размером с авторучку, — и посветил в глаза Наде. Та отшатнулась.

— Миша, что ты делаешь?

— Зрачки в норме, — сказал он, убирая фонарик. — Реакция на свет стандартная. Хорошо.

— Что «хорошо»? Ты можешь объяснить, что происходит?

Он сунул фонарик обратно в карман. Потом обвёл взглядом комнату, тела, следы крови на стенах.

— В том автобусе, — сказал он, — все нападавшие действовали одинаково. Они не говорили. Не кричали. Не реагировали на боль. Они получили приказ — и выполняли его, не задумываясь. Как будто кто-то отключил часть их мозга. Часть, которая отвечает за страх, за сомнения, за самосохранение.

— И ты думаешь, что...

— Я думаю, — перебил Михаил, — что убийца из Отрадного не имеет к этому никакого отношения.

— Что?

— Посмотри вокруг, Надя. Это не марионетка. Это обычное убийство. Жестокое, да. Кровавое. Но обычное. Убийца нервничал. Наносил удары беспорядочно, не контролируя силу. Перевернул столик — случайно, задел локтем. Разбил стекло. Оставил кровавый след на обоях — видишь, вот здесь? — он указал на стену. — Это след ладони. Убийца опёрся рукой о стену, когда наносил удары. Он устал. Он запыхался. Он был в ярости — или в панике. Это не хладнокровное исполнение приказа. Это эмоциональный взрыв.

Надя перевела взгляд со стены на тела и обратно. Она начинала понимать.

— То есть это простое убийство?

— Простое, — кивнул Михаил. — И мы раскроем его быстро. Очень быстро. Я уже знаю, кто это сделал.

— Что? Откуда?

Он подошёл к журнальному столику. Вернее, к тому, что от него осталось. Среди осколков стекла лежали старые газеты, журнал «За рулём» за прошлый год и раскрытая записная книжка в кожаном переплёте. Михаил поднял её.

— Смотри. Здесь записаны все, кто приходил в эту квартиру за последний месяц. Вот эти две строчки — сегодняшним числом. «Саня — вернуть дрель». И время — одиннадцать утра.

— Сосед?

— Вероятно. Пойдём.

Они вышли из квартиры. Сержант Кузнецов всё ещё стоял у двери.

— Кто живёт в пятьдесят восьмой? — спросил Михаил.

— Пятьдесят восьмой... — сержант наморщил лоб. — Там алкаш какой-то. То ли Саша, то ли Саня. Мы его уже опрашивали. Сказал, что ничего не видел и не слышал.

— Конечно, не слышал, — сказал Михаил. — Потому что сам всё и сделал.

Он подошёл к соседней двери и постучал. Громко. Требовательно.

За дверью послышалась возня. Потом шаги — нетвёрдые, шаткие. Замок щёлкнул. Дверь приоткрылась на цепочке. В щели показалось лицо — опухшее, небритое, с красными прожилками на носу и мутными глазами.

— Чего надо?

— Полиция. Откройте дверь.

— Уже опрашивали. Я ничего не видел.

— А я и не спрашиваю, что вы видели. Откройте дверь.

Мужик колебался. Михаил видел, как в его глазах мечется мысль — захлопнуть дверь? Бежать? Но бежать было некуда, квартира на пятом этаже, а внизу — ещё двое полицейских.

Цепочка звякнула. Дверь открылась.

Он стоял в проёме — высокий, широкоплечий, но какой-то обмякший, словно из него выпустили воздух. Одет в растянутую майку и спортивные штаны с пузырями на коленях. На правой руке — свежая царапина. На левом запястье — следы крови.

— Как вас зовут? — спросил Михаил.

— Александр. Кулагин Александр.

— Вы были сегодня в пятьдесят седьмой квартире?

Мужик замер. Что-то мелькнуло в его мутных глазах — то ли страх, то ли злость.

— Нет. Не был.

— А в записной книжке покойного написано обратное. «Саня — вернуть дрель». Одинадцать утра.

— Мало ли что там написано. Я не был.

— Тогда почему у вас на руке кровь?

— Порезался. Брился.

Михаил сделал шаг вперёд. Мужик отступил.

— Вы были в пятьдесят седьмой квартире, Александр. Вы пришли вернуть дрель. Что-то пошло не так. Может быть, старик сделал вам замечание. Может быть, вы были пьяны и он отказался вас пускать. Может быть, вы просто сорвались. Вы ударили его. Потом ещё раз. И ещё. А потом вышла жена. Она закричала — и вы ударили её тоже.

— Я не... — начал Кулагин, но осёкся.

— У вас на рукаве следы крови, Александр. На джинсах — тоже. Вы не успели уничтожить одежду, потому что думали, что вас не заподозрят. Обычный алкаш, который ничего не видел и не слышал. Идеальный невидимка. Но вы ошиблись.

Кулагин стоял, опустив плечи. Весь его вид — сломленный, жалкий, — был красноречивее любого признания.

— Я не хотел, — сказал он тихо. — Он начал на меня орать. Из-за какой-то ерунды. Из-за того, что я просрочил дрель на два дня. Два дня! А он орал так, будто я у него дом поджёг. А потом эта его баба... она выбежала. И тоже начала орать. Я просто хотел, чтобы они заткнулись.

— И чем вы их ударили?

— Молотком. Его молотком. Он лежал на полке в прихожей. Я схватил его... и всё.

Михаил кивнул. Он не чувствовал ни торжества, ни удовлетворения. Только пустоту. И странную, почти физическую усталость.

— Надя, вызывай опергруппу. Пусть оформляют.

Он развернулся и вышел в коридор, оставив Кулагина стоять в дверях с опущенными плечами.

Они спустились вниз. Во дворе уже вечерело. Серое мартовское небо наливало сине-вой. Зажигались окна в домах. Где-то лаяла собака. Где-то играла музыка. Обычный двор. Обычный вечер. Обычная жизнь, которая продолжалась, несмотря ни на что.

Надя догнала его у скамейки.

— Полтора часа, — сказала она. — Мы раскрыли двойное убийство за полтора часа. Это... я даже не знаю, как это назвать.

— Никак не называй, — сказал Михаил.

— Но это же рекорд. Громов будет в восторге. Весь отдел будет в восторге. Ты представляешь, что скажут в управлении?

— Представляю.

Он сел на скамейку. Достал термос. Отвинтил крышку. Чай был ещё тёплым. Он сделал глоток.

— Ты не рад, — сказала Надя, садясь рядом.

— Я не рад.

— Почему? Ты раскрыл дело. Ты нашел убийцу. Ты сделал всё, что должен был сделать.

— Слишком быстро.

— Что?

— Слишком быстро, Надя. Понимаешь? Раньше на такое ушла бы неделя. Допросы, экспертизы, проверка алиби. А тут — полтора часа. Зашёл, посмотрел, нашёл. Как будто это была задача для начальной школы.

— И это тебя пугает?

— Это меня бесит, — сказал Михаил. — Я стал слишком быстрым. Слишком зорким. Слишком... другим. И это не моя заслуга. Это последствия того, что со мной случилось. Того, через что я прошёл. Я не стал лучшим следователем. Я стал чем-то иным. И чем дальше, тем хуже. Обычные преступления — они для меня как... как кроссворды для ребёнка. Я решаю их не задумываясь. А то, что действительно важно — Звездочёт, марионетки, всё это, — я не могу решить. Не могу даже приблизиться. Топчусь на месте, пока он...

Он замолчал. Сделал ещё глоток чая.

— Ладно, — сказал он. — Забудь.

— Нет, — сказала Надя. — Я не забуду.

Она повернулась к нему. В свете уличного фонаря её лицо казалось очень серьёзным и очень взрослым.

— Ты изменился, Миша. Я видела это ещё там, в больнице, когда ты только очнулся. Ты стал видеть то, чего не видят другие. Замечать то, чего не замечает никто. И да, это пугает. Но это не делает тебя хуже. Это делает тебя... другим. А быть другим — это не всегда плохо.

— Ты так думаешь?

— Я знаю.

Михаил посмотрел на неё долгим взглядом. Потом усмехнулся — коротко, криво, одними губами.

— Ты слишком добра ко мне, Горемыкина.

— А ты слишком строг к себе, Россинский.

Они посидели ещё немного. Потом Михаил встал.

— Пойдём. Надо доложить Громову. Пусть порадуетя.

— А ты?

— А я порадуюсь завтра. Может быть.

Они пошли к выходу из двора. За их спинами в подъезд дома номер четырнадцать уже заходили люди в форме — опергруппа, эксперты, фотограф. Обычная работа. Обычный день. Обычное убийство.

Но Михаил знал: где-то там, впереди, ждёт другое. То, что нельзя раскрыть за полтора часа. То, что потребует от него всего — и даже больше.

Город смотрел на него окнами домов. И где-то среди этих окон, среди тысяч огней, прятался человек, который дёргал за ниточки.

Глава 3. Шёпот из Хельсинки

Возвращаться в отдел после раскрытого дела — особое чувство. Когда всё позади, когда убийца дал признательные показания, когда опера снимают отпечатки и упаковывают вещдоки — ты возвращаешься не как охотник, который ещё идёт по следу, а как тот, кто уже вернулся с добычей. Воздух в коридорах становится легче. Коллеги смотрят иначе. Даже стены как будто раздвигаются, давая тебе больше пространства.

Но не в этот раз.

Михаил вошёл в отдел, когда часы над входом показывали начало девятого. Рабочие уже ушли, оставив после себя затянутую плёнкой дыру, гору мусора в углу и запах свежей штукатурки. Вестибюль был пуст — только дежурный сержант за стеклянной перегородкой кивнул ему и снова уткнулся в монитор.

Он поднялся на второй этаж. В кабинете горел свет — Пётр ещё не ушёл. Михаил толкнул дверь и увидел его на том же месте, где оставил несколько часов назад. Ноутбук открыт. Очки съехали на кончик носа. На столе — три пустые кружки из-под кофе и надкушенный бутерброд.

— Домой не собираешься? — спросил Михаил, садясь за свой стол.

— Уже собираюсь, — ответил Пётр, не поднимая головы от экрана. — Вот прямо сейчас. Только ещё кое-что проверю. И ещё кое-что. И ещё...

— Это называется трудоголизм, Бабочкин. Лечится.

— А у вас? — Пётр наконец поднял глаза. — Как Отрадное?

— Сосед. Алкаш по имени Саша. Повздорили из-за дрели. Убил молотком.

— И всё?

— И всё.

Пётр присвистнул.

— Быстро. Даже для вас быстро.

— Для меня теперь всё быстро, — сказал Михаил и потянулся к термосу.

В этот момент дверь распахнулась. Надя влетела в кабинет, даже не постучав. В одной руке — бумажный стаканчик кофе, в другой — телефон. Причёска развалилась окончательно, карандаш потерялся где-то по дороге, и волосы рассыпались по плечам.

— Ты ещё здесь, — сказала она, глядя на Петра. — Хорошо. Садись обратно.

— А я что, куда-то уходил?

— Ты собирался. Забудь. У нас новости.

Она положила телефон на стол перед Михаилом. На экране — открытое письмо. Нет, не письмо. Какой-то набор символов, сплошная стена текста без пробелов и знаков препинания. Хаотичное месиво из букв, цифр и странных значков.

— Что это? — спросил Михаил.

— Это только что пришло на защищённый канал отдела, — сказала Надя. — Тот самый, который Пётр настроил для приёма экстренных сообщений после истории с Барышевым. Я сначала подумала — спам. Или вирус. А потом посмотрела на сигнатуру отправителя.

— И?

— Отправитель — Нефёдов. Алексей Нефёдов. Тот самый.

Михаил поставил термос на стол. В комнате вдруг стало очень тихо.

Алексей Нефёдов. Бывший математик МГУ, тридцать лет. Последний известный носитель той же аномалии мозга, что и у Михаила — повышенная активность коры, двадцать три процента, нечеловеческая способность к анализу и обработке данных. Только без татуировки. Без метки, которую Звездочёт оставлял на своих подопытных. Нефёдов был исключением, ошибкой в системе, сбоем — и именно поэтому Звездочёт охотился за ним с особым упорством.

В конце четвёртой книги Нефёдов бежал. Михаил помог ему уйти — через цепочку контактов, через фальшивые документы, через ночной рейс на Хельсинки. С тех пор о нём не было ни слова. Михаил иногда думал о нём — где он, как он, жив ли вообще, — но не пытался выйти на связь. Связь могла привести Звездочёта прямо к нему.

И вот — сообщение.

— Это шифр, — сказал Пётр, пододвигая телефон к себе. — Не просто шифр. Много-слойный. Первый слой — стандартный RSA, второй — что-то своё. Похоже на алгоритм, который он использовал, когда мы общались в прошлый раз. Но сложнее. Гораздо сложнее.

— Ты можешь расшифровать?

— Могу. Но не быстро. Дайте мне час. Может быть, два.

— Дам. Работай.

Пётр уже не слышал его. Он надел очки, раскрыл ноутбук, подключил телефон кабелем, и его пальцы забегали по клавиатуре с той скоростью, которая всегда завораживала Михаила. Бабочкин в такие моменты становился похож на музыканта, исполняющего сложный пассаж — ни одного лишнего движения, полная концентрация, абсолютное погружение в процесс.

Михаил и Надя сидели молча. Ждали. Минуты тянулись, как резиновые. Надя допила кофе и смяла стаканчик. Михаил пил чай — медленно, маленькими глотками, глядя в одну точку на стене.

Через час и семнадцать минут Пётр откинулся на спинку стула.

— Готово.

На экране ноутбука появился текст. Обычный текст на русском языке. Без подписи, без обращения, без единого лишнего слова. Михаил наклонился вперёд и начал читать.

*«Ты был прав. Они не покупают, не вербуют и не шантажируют. Я проверил всё, что знал, и нашёл то, чего не должно существовать. Метод подчинения — комбинированный. Сначала в организм вводится синтетический нейропептид, временно подавляющий активность миндалевидного тела. Миндалины отвечают за страх, за реакцию на угрозу. Когда она отключается, человек перестаёт бояться. Совсем. Ему можно приказывать шагнуть под машину — и он шагнёт. Ему можно приказывать ударить ножом — и он ударит. Без колебаний. Без дрожи в руках. Без пота на лбу.

Второй этап — сенсорная депривация. Стимуляция определённых зон коры через зрительные и слуховые образы. Проще говоря: жертву сажают перед экраном и показывают ей что-то, что ломает сознание. Не просто страшное. Страх — это слишком примитивно. Им показывают что-то, что разрушает базовые структуры личности. Кто я? Зачем я здесь? Что такое "я"? После нескольких часов такой обработки человек превращается в чистый лист. *Tabula rasa*. Пустой сосуд.

Третий этап — загрузка команды. Гипноз, нейролингвистическое программирование, возможно — прямая электрическая стимуляция определённых участков. Я не знаю точно. Но результат один: человеку даётся приказ. Не просьба. Не уговор. Приказ. И он становится его единственной реальностью. Единственной целью. Единственным смыслом существования.

Они могут ходить среди нас месяцами. Жить обычной жизнью. Улыбаться. Здороваться. Пить кофе. А потом — звонок. Или сообщение. Или просто условный сигнал. И они встают и делают то, что им приказали. Без страха. Без сомнений. Без колебаний.

Марионетки не знают, что они марионетки. И в этом главный ужас.

Если ты читаешь это, значит, я ещё жив. Но не знаю, надолго ли. Он ищет меня здесь. Он знает, что я в Финляндии. Он знает про каждый мой шаг. Не знаю как — может быть, у него везде глаза. Но я чувствую его. Каждую ночь. Каждое утро. Он рядом.

Если я не выйду на связь снова — считай это прощанием. И помни: марионетка может быть кем угодно. Твоим соседом. Твоим коллегой. Твоим другом. Ты никогда не узнаешь, пока не станет слишком поздно.

Береги себя. И её береги. Он знает про неё. Он знает всё.*

Михаил дочитал. Поднял глаза. В комнате было тихо — только жужжал кулер ноутбука Петра.

— Мария, — сказала Надя одними губами. — Он имеет в виду Марию.

— Да, — сказал Михаил.

Он не стал комментировать. Не стал говорить, что каждое слово Нефёдова легло на его собственные догадки, как кусок мозаики встаёт на пустующее место. Нейропептиды. Сенсорная депривация. Гипноз. Никакой мистики. Только наука. Холодная, безжалостная наука.

— Теперь понятно, — сказал Пётр, снимая очки. — Поэтому Ковалёв не оставил следов. Его не вербовали. Не подкупали. Ему просто ввели препарат. Может быть, под видом прививки. Или на медосмотре. Или...

— На медосмотре, — перебил Михаил. — За два дня до тарана. Ты сам сказал: Ковалёв прошёл плановый медосмотр.

— Но мы проверили врача...

— Врач мог быть не в курсе. Препарат могли добавить в вакцину. Или в ампулу с глюкозой. Или просто вколоть под видом витаминов. Вариантов масса. А через два дня — звонок, команда, и человек садится в машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.